

Русский фельетон. В помощь работникам печати.

М., Политической литературы, 1958.

OCR Бычков М. Н.

Во время революционной ситуации, создавшейся в России в 1879--1881 гг., возникла возможность возродить в подцензурной печати фельетонные традиции 60-х годов. Большая заслуга в этом принадлежит Константину Михайловичу Станюковичу (1843--1903), начавшему свой творческий путь фельетонными циклами "Письма знатного иностранца" и "Картинки общественной жизни" в одном из лучших демократических журналов 70--80-х годов -- "Дело". Знаменательно, что в этих циклах, особенно во втором, легко прослеживается влияние сатирического стиля М. Е. Салтыкова-Щедрина.

Темы фельетонов Станюковича -- произвол бюрократии, продажность и воровство в среде чиновников всех рангов, бедственное положение народа, задавленного нуждой и полицейским гнетом, поветрие доносов и клеветы, моральное разложение верхов дворянского "общества", аферы в акционерных компаниях и обществах.

Фельетонные циклы Станюковича пользовались большой популярностью в читательских кругах. Ободренный поддержкой, Станюкович все более активно сотрудничал в журнале "Дело" и стал в 1883 г. его редактором. Однако в 1885 г. он был арестован и выслан. Вернувшись из ссылки через три года, Станюкович вновь начал вести фельетонное обозрение в журнале "Русская мысль".

I

Не довольно ли, гг. публицисты?

Кажется, довольно. Вы окончательно уж доняли бедного читателя.

Пугать его больше нечем, а обвинять друг друга тоже уже не в чем. Все статьи уложения о наказаниях процитированы в передовых статьях и фельетонах. Все обвинения против собратьев, начиная от обвинения в простой краже до обвинения в государственной измене включительно, имели место в модном квартале нашей ежедневной прессы. Самая широкая откровенность на этот счет не оставляла желать ничего лучшего, и скромный полевой цветочек "откровенного направления", найденный когда-то г. Сувориным ¹⁾ по дороге в Константинополь, зацвел пышным, полным цветом на газетной ниве. Недоразумениям, подавшим в былое время повод смеяться насчет того, что значит "откровенное направление", теперь нет места, и вы можете ежедневно любоваться, читая газеты, с какой откровенностью модные публицисты копаются в тайниках души своего собрата, чтобы выудить из глубины ее самую свежую "интригу" и поднести свою находку г. передовой или в "entrefilet" {Газетной заметке (*фр.*)-- *Ред.*}, в прозе или стихах, или, наконец, и в прозе и в стихах вместе и во всех отделах газеты.

Ради большей свободы обсуждения сброшены последние, еще остававшиеся покровы стыдливости и отправлены вместе с прочим хламом в отдаленные места, как бы для того, чтобы как-нибудь не покраснеть при виде платья. Очутившись в приятном декольте, почуяв запах свежинки и полное раздолье, эти весталки священного огня печати, словно стая сбегавшихся волчиц, бросились в поиски за чужим поведением, ревнуя друг перед другом, кто откровеннее обвинит и скажет пакость насчет своего собрата, побоявшегося еще сбросить с себя все одежды.

Этот беспримерный в нашей прессе шабаш происходил у всех на глазах. Каждый модный публицист словно бы оспаривал пальму первенства в наибольшей откровенности по части розысков чужого образа мыслей. Чем мерзее была написанная мерзость, чем пакостнее была напечатанная пакость, тем с большим еще апломбом на другой день подписывал автор новую гнусность, чувствуя себя как бы именинником.

Происходило нечто невозможное, нечто невообразимое на газетных столбцах. Черные печатные строки блистали позором инсинуаций, клеветы и обвинений. Вместо успокоения читателя, вместо